От издателя

Второй выпуск нашей серии "Джаз в музыкальной школе" продолжает Ваше знакомство с творчеством Оскара Питерсона. Вы будете изучать его третью тетрадь сборника "Джаз для юных пианистов" - Exercises. Кроме этого мы представляем Вашему вниманию работу Даниила Крамера "Четырнадцать небольших джазовых этюдов" с его подробными комментариями. Этот выпуск предназначается для учащихся 5 - 7 -х классов музыкальных школ, первый выпуск - 3 - 7-й класс.

Представляю Вам Даниила Крамера - пианиста, композитора, педагога, лауреата конкурсов классической музыки и джазовых фестивалей.

Родился в 1960 г. в Харькове. На фортепиано начал учиться в 4 года. Закончил специальную музыкальную школу в Харькове (1978), где в 8 классе стал лауреатом двух республиканских конкурсов: пианистов (1 премия) и композиторов (2 премия); Государственный музыкально-педагогический институт им. Гнесиных (ныне Российская музыкальная академия), где учился на фортепиано у Е. Либермана и брал уроки по композиции у Г. Литинского (1983). В 1984 г - I-е место на конкурсе фортепианных джазовых импровизаторов (Вильнюс). С 1985 профессиональный джазовый пианист. Участник практически всех джазовых фестивалей в СССР и России. Гастроли: Чехословакия (1988), Франция (1989, 19991), Австралия (1990), Испания (1990), Панама (1991), Мали, Буркина-Фасо (1991), Швеция (1991), Италия (1993). Концертировал в дуэтах с А. Фишером (1987-1993) и А. Кузнецовым (1993-1994).

Печатные труды: "Сборник этюдов" (совместно с Н. Капустиным), джазовые пьесы в нескольких выпусках "Джазовые произведения для фортепиано" изд. "Советский композитор", в выпусках "Джазовые и эстрадные композиции для фортепиано" изд. "Музыка", сборник "Золотые темы джаза" в изд. ЦСДК Москва и др., методическая разработка "Начальное обучение на фортепиано. Изучение стилистических джазовых приемов".

Преподавал в Государственном музыкальном училище им. Гнесиных на эстрадно-джазовом факультете (1983-1986)

В джазовых анкетах критиков в дуэте с А. Фишером входил в тройку лидеров по разделу "малые ансамбли".

Любимые джазовые музыканты: А. Тэйтум, О. Питерсон, Б. Эванс.

В этом выпуске мы печатаем повествование Алексея Баташева о несостоявшихся концертах Оскара Питерсона в Москве в 1975 году. Этот рассказ поможет Вам лучше понять атмосферу того времени, а также то, какой любовью пользуется Питерсон среди джазменов всего мира.

Итак, Алексей Баташев - выпускник Физтеха, ученик Ландау и Сахарова, самостоятельно ставший одним из мировых авторитетов в области джаза, автор первой монографии "Советский Джаз", сотен статей на конвертах пластинок, в прессе и международной джазовой печати, награжден вместе с Уиллисом Конновером польским орденом "Культурные Заслуги" за вклад в развитие джаза, читавший лекции об этом искусстве во многих американских университетах, председатель Союза литераторов России.

Кроме того, мы предлагаем Вам аудиокассету с записью всей музыки обеих тетрадей, сделанную Д. Крамером.

Мы считаем, что это идеальный вариант для изучения джаза - иметь ноты и запись-эталон, тем более, что эта запись звучит в исполнении самого Крамера, не так давно открывшего джазовый класс в Московской консерватории. Те, кто не был на его концертах, обязательно сходите - Вы все увидите и поймете сами. Желаю успехов.

Р. Ясемчик

Предисловие

Эта статья была написана одним духом, без черновиков и правок, вечером того же дня, в котором завершились описываемые в ней события. Впечатления от несостоявшегося концерта кумира нашей джазовой молодости были сравнимы с эмоциями, которые сообщала нам его музыка.

Здесь опубликовать мои "заведомо ложные измышления" было невозможно, и я послал их в журнал "Джаз Форум", в котором состоял постоянным советским корреспондентом и представителем. Но этот печатный орган Международной джаз-федерации выходил в Польше, и как ни либеральны были в этой стране народно-демократические порядки, цензура статью не пропустила, и она ходила какое-то время в польском самиздате.

Много лет спустя, уже в конце 80-х, будучи в Нью-Йорке, я купил за 55 долларов билет, чтобы послушать Оскара Питерсона в клубе "Блю Ноут". С ним тогда были Рэй Браун, Бобби Дурем и Херб Эллис. Старик был уже не в той форме, и в быстрых вещах, случалось, мазал. Хотя дай Бог так "мазать" его многочисленным подражателям! Его свинг, поющие и пляшущие фразы, его энергия, вся его музыкальная туша неслась, как атомный ледокол, и через два часа моя рубашка была мокрой от пота.

Еще спустя час ожидания у двери его артистической я попал к маэстро, мы вспомнили те два московских дня и он выразил вежливую надежду, что еще поиграет в Советском Союзе. Но стране с этим названием не суждено было дождаться одного из величайших пианистов XX века. Слава Богу, теперь в России выходят нотные записи музыки, рожденной его гениальными пальцами.

А. Баташев

Сентябрь 1994.

ОСКАР ПИТЕРСОН, НОРМАН ГРАНЦ И ДРУГИЕ.

Слухи о концертном турне по СССР трио Оскара Питерсона, возникшие еще весной и казавшиеся совершенно неправдоподобными, постепенно приобрели к осени все более реальные очертания, пока не стало определенно известно о гастролях прославленного маэстро в Таллине, Москве, Ереване и Тбилиси.

Из кулуаров Госконцерта просочились достоверные сведения о четырех концертах в Театре Эстрады в конце ноября, и за месяц до желанной даты музыканты и любители джаза организовали живую очередь за билетами. Был составлен список жаждущих услышать живого Питерсона, и сначала дважды в неделю, потом трижды, а под конец - ежедневно он проверялся и пополнялся новыми фамилиями.

В канун дня продажи в списке было около тысячи человек. Первые двести человек решили стоять всю ночь перед окошком кассы. Среди музыкантов, стоящих в очереди ходила шутка: - "Если бы КГБ или милиция в три часа ночи приехала к Театру Эстрады и арестовала всех стоящих в очереди, с советским джазом было бы покончено раз и навсегда."

Зал уютного Театра Эстрады вмещает 1300 человек. Ни у кого не вызывало сомнений, что основное количество билетов разойдется неведомыми путями к тем людям, которым "нельзя отказать", которые в ответ могут сделать кому-то какую-нибудь любезность, к их секретаршам, женам, любовницам, маникюршам и любовникам этих любовниц и маникюрш, к продавцам комиссионных магазинов и мясных отделов, и многие из них будут люди, которые до этого и не подозревали о существовании Питерсона. Рассчитывали, что в кассе продадут по 200 билетов на концерт, как это было в случае Эллингтона.

Накануне стало известно, что будет продано по 100 билетов на концерт - всего четыреста билетов, первые двести номеров очереди.

Мы пошли к директору Театра узнать, нельзя ли дать в кассу больше билетов для продажи, поскольку среди нас - известные музыканты из Государственных оркестров, джазмены, музыковеды, сотрудники редакций, студенты, изучающие джаз...

- Увы, я ничего не могу изменить, - сказал директор. - Много билетов уходит в посольства, и вообще, вы сами виноваты в том ажиотаже, который разгорелся вокруг этих концертов. Мне звонила

одна дама и томным голосом сообщила, что она достала билеты на Питерсона, но хотела бы знать, какие песни он поет. Я хотел ей ответить, что он еще делает стриптиз, но побоялся, что тогда в кассе вообще не останется билетов.

А в это время в Москву звонили из других городов и просили достать один билет, четыре, десять ... Уже привыкли, что прилететь в Москву откуда-нибудь с Дальнего Востока, имея неудобный билет за один рубль, - обычное дело. Ведь стоимость такого билета на черном рынке почти равна стоимости перелета.

... И вот, простояв всю ночь на холодном ноябрьском ветру, я имею два честно заслуженных билета. Один для меня, другой для музыканта, который прилетает из Новосибирска. Дальнейшие события разворачиваются самым непредвиденным образом.

Уже известно, что трио Питерсона с Нильсом Педерсоном и Джейком Ханна, опекаемое знаменитым Норманом Гранцем, прилетело в Ленинград, осмотрело город, слетало на экскурсию куда-то в Прибалтику, дало три полностью распроданных концерта в заурядном Доме офицеров и в лучшем концертном зале "Эстония", что на этих концертах побывала "вся Прибалтика и Ленинград", что был джем в ночном варьете "Таллин", где играли съехавшиеся музыканты, а в три часа ночи за рояль сел сам маэстро.

Уже стало общим местом в многочисленных интервью Питерсона, что его не удовлетворяет качество концертных роялей. Словно предвидя, что ему может выпасть играть на плохом инструменте, он специально оговорил в договоре, что на концерте ему будет предоставлен "Стейнвэй", и настаивал, что такой же рояль будет в его распоряжении в гостинице.

В Таллине ему пришлось играть и на "Бехштейне", и на "Эстонии" и , наконец, на "Стэйнвэе", но ни один из инструментов не отвечал высоким требованиям, ни на одном из них игра не доставила ему удовольствия. Поэтому каждое отделение его концерта длилось ровно обусловленные 60 минут, и он почти не играл на бис.

18 ноября мы ждали прилета трио в Москву. Начались курьезы. Молоденький секретарь канадского посольства Ральф Лисишн был растерян: он знал только время вылета из Таллина, но не имел никакой информации ни о номере рейса, ни о том, на какой из четырех аэропортов столицы его самолет прибывает. И тогда Леонид Переверзев, один из наших ведущих джазовых музыковедов, через обычную справочную разузнал недостающие сведения. Лисишн просто не знал, как его благодарить.

Наконец, самолет приземлился, группа музыкантов и фэнов, собралась около трапа. Ни одного западного журналиста. Пресса была представлена Леонидом Переверзевым из "Музыкальной жизни" и мною из "Джаз Форума". Помимо нас музыкальный мир Москвы был представлен приехавшим также по личной инициативе директором Студии Джаза Юрием Козыревым. Мы привезли двух фотографов. Больше никого. Никаких официальных лиц от Госконцерта. Только шофер госконцертовской "Волги", приехавшей за ансамблем, и вышеупомянутый Ральф Лисишн на огромном американском лимузине. Все.

Самолет уже почти опустел, а Питерсон все не выходил. Наконец он появился на трапе. Мы устроили ему овацию. С непроницаемым лицом он спустился по ступенькам и встал к нам спиной. Лисишн подбежал к нему и , задрав голову вверх, сказал что-то о нас, джазменах, членах джаз-клуба, приехавших встретить его.

- Угу, - сказал маэстро и направился в здание аэровокзала.

Журналиста кормят ноги, и поэтому я забежал вперед и, показав свою пресс-карту "Джаз Форума", попросил его об интервью для журнала Международной Джазовой Федерации.

- По всем вопросам обращайтесь к моему менеджеру Норману Гранцу, - ответил Питерсон, внимательно оглядев мое удостоверение.

Я представился прославленному импресарио.

- Видите-ли, - сказал Гранц, - мы еще не знаем, какой у нас будет отель и что предпринимает канадское посольство, поэтому пока ничего обещать не могу.

Позднее я понял роковой смысл этих слов.

В здании аэровокзала защелкали камеры, Оскар охотно позировал, улыбался, я же решил продолжить разговор с Норманом Гранцем. В нескольких словах я сообщил ему о том, что значит для советских джазменов приезд великого Оскара Питерсона, о том, что в Москву съедутся многие музыканты страны, о том, как мы ночами стояли у кассы, о страстном ожидании встречи. Гранц слушал меня рассеянно.

- Советские джазмены хотят устроить неофициальный прием для высоких гостей и концерт в их честь, на котором, при желании, они тоже могли бы сыграть , - сказал я.

- Спасибо, но пока я не могу ничего обещать, - повторил свою позицию Норман Гранц, бывший биржевой маклер, который еще в молодости усвоил, как важно стоять на своем.

- К сожалению, в Москве нет найт-клубов и нет места, где бы играли джазовые музыканты. Но мы можем устроить нашу встречу в концертном зале, свободном утром и пополудни, - пояснил Леонид Переверзев. - Этот концертный зал принадлежит Джазовой Студии, ее директор Юрий Козырев, присутствующий здесь, любезно предоставляет его. Там будут студенты, изучающие джаз, мистер Питерсон сможет познакомиться с джазовым обучением у нас, он не раз заявлял, что эта проблема его интересует...

- Жаль, найт-клуб был бы более подходящим местом для такой встречи, чем концертный зал, - холодно сказал создатель "Джаза в Филармонии". - Тем более днем. Мы здесь впервые. Хотелось бы осмотреть город. Мы прежде всего туристы, и дневные мероприятия надо максимально сократить. Что касается интервью, то мы намерены собрать одну пресс-конференцию, куда смогли бы попасть все представители печати. Это сэкономит нам время...

Закаленный на бесчисленных пресс-конференциях, Норман Гранц размеренно говорил, а я вспомнил слова контрабасиста Андрея Егорова, который недавно встречался с Питерсоном на Пражском джаз-фестивале. "С Оскаром бесполезно говорить о джеме. Басист и барабанщик пойдут, но я не знаю, удастся ли им уговорить своего лидера".

- Знаете, мистер Гранц, - с горечью сказал я, - мне приходилось разговаривать с Бенни Гудменом, Дюком Эллингтоном. Объясните мне, почему никто из них не откликнулся на предложение пообщаться в неофициальной обстановке, на джеме. Им всем непременно нужно было с кем-то советоваться, у кого-то получать какие-то инструкции. Прямо не джазмены, а какие-то чиновники из посольства.

- Есть музыканты и Музыканты, - прервал мою страстную тираду великий джазовый финансист и продюсер, и разразился длинной речью, в которой слово к слову, фраза к фразе примыкали столь же тесно, как каменные глыбы в стенах древних цитаделей, между которыми нельзя было просунуть даже лезвие бритвы. Смысл его речи сводился к тому, что я должен уразуметь, что к Великим нужен особый подход, они уже на вершине Олимпа и не намерены бежать сломя голову по первому приглашению на какой-то подпольный джем-сейшн, что они законно требуют к себе такого обхождения, которое приличествует их высокому положению, они кумиры и притягивают к себе толпы поклонников и без этого.

Я прекрасно понимал смысл того, что он говорил, но сколь различны были наши положения! Он не мог спуститься на нашу землю, даже понять, что те музыканты и фэны, которые толкались сейчас в очередях за билетами в аэропортах где-нибудь в Сибири, чтобы прилететь в Москву и, не надеясь на комфортабельный ночлег, попасть на концерт, и хоть издалека повидать одного из своих любимцев, что к ним все-таки надо относиться не так, как к любителям джаза в Америке, где можно вот так запросто зайти к "Джиму и Энди" или в клуб Макса Гордона или Ронни Скотта, послушать Эллингтона или Бэйси, или того же Питерсона, пригласившего в качестве гостя Колмена Хокинса, пропустить стаканчик и поболтать о том, о сем с Тэдом Джонсом или Уиллисом Коновером...

- Мистер Гранц, Вы наверное не представляете, какова ситуация с джазовой музыкой в этой стране, что значит ваш приезд для здешних джазменов, сколько их съедется со всей страны на концерты... Чисто по-человечески их можно понять и пойти им навстречу, - Леонид Переверзев успел вставить словечко, воспользовавшись паузой, как брешью в воздвигаемой Гранцем баррикаде.

- Отчего же, я прекрасно разбираюсь в том, что у вас происходит, - уверенно заявил человек, впервые приехавший в нашу страну три дня назад.

- Тогда Вы, мистер Гранц, единственный человек на земле, который разбирается в этом, - не выдержал я, потеряв терпение.

Пока мы вели с Гранцем беседу, постепенно заходившую в тупик, пока к охотно позировавшему и улыбавшемуся перед фотографами Питерсону подсаживались для памятного фотоснимка музыканты и фэны, пока брались автографы, выяснились дополнительные обстоятельства.

Стало очевидно, что никто из официальных лиц Госконцерта не приехал на встречу, что в присланной "Волге" невозможно отвезти ансамбль и инструменты, и надо добираться до города своими силами, что для приехавших забронированы не апартаменты со "Стэйнвэем", а третьеразрядная гостиница "Урал", в которой обычно останавливаются колхозники, прибывающие на рынки, что в концертном зале не приготовлен рояль "Стэйнвэй", специально оговоренный в контракте.

Дипломат Лисишн, гордо подняв голову, объявил, что в связи с этим посольство дважды заявляло протест против нарушения контракта, но, - скорбно добавил он, - оба раза протест остался без ответа.

Прибывшие приняли это к сведению, сели в вызванный Лисишем из посольства огромный лимузин и уехали. Мы только развели руками и остались в полном недоумении.

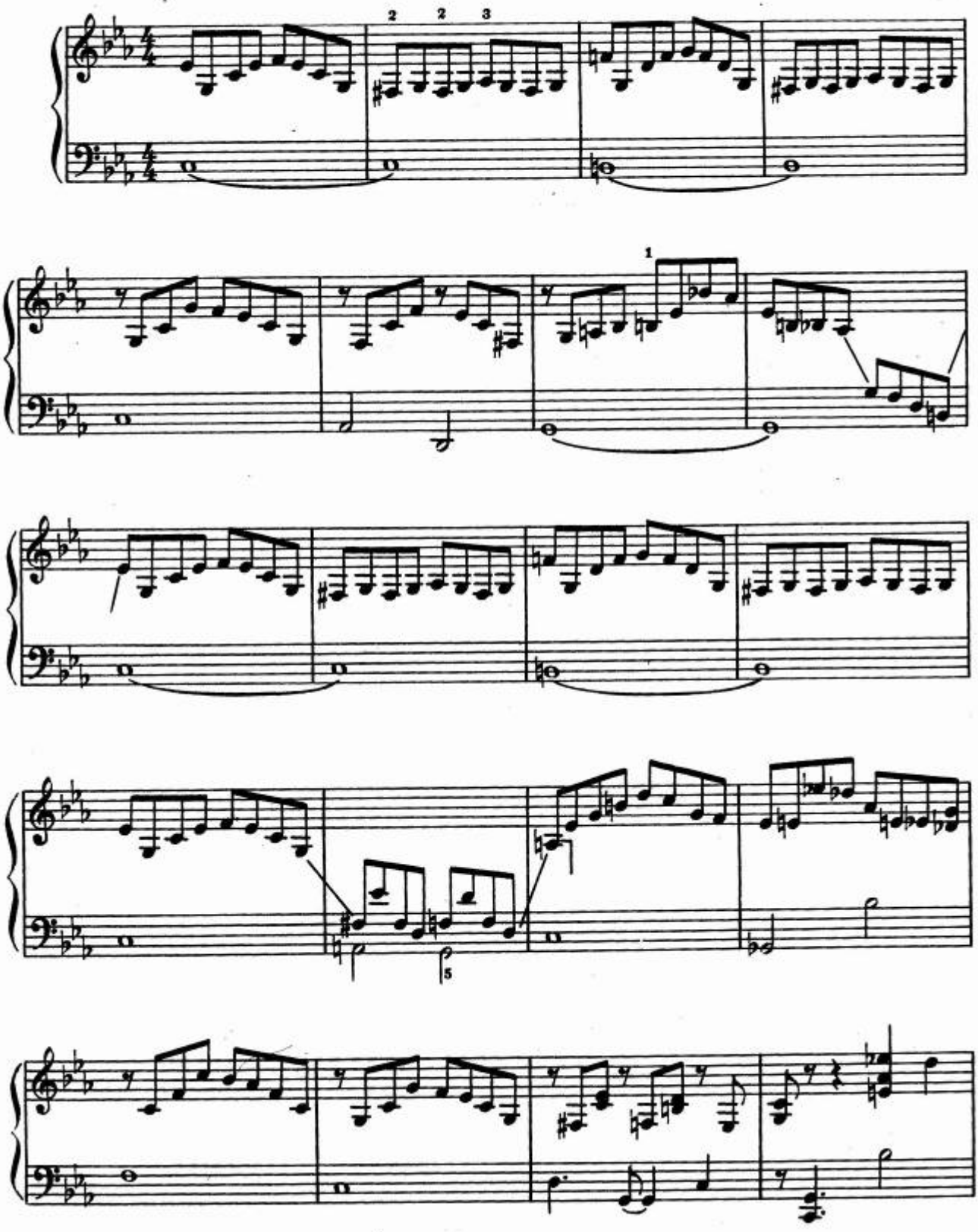
Рассказывают,что Питерсон и Гранц заехали в гостиницу "Урал", ужаснулись от ее вида и от тех номеров, которые им были приготовлены и отправились ночевать в канадское посольство. На следующий день заместитель директора Госконцерта лично пытался устроить их в гостиницу "Россия", но предложенные им номера не содержали достаточного количества комнат, удобств и рояля. Рассказывают, что устав от жарких дебатов, Питерсон и Гранц пошли в ресторан и там столкнулись с таким сервисом, что великий маэстро вполне мог принять его за проявление расовой дискриминации. Чаша их терпения была переполнена и они решили прервать гастроли и улететь обратно, невзирая на уговоры остаться и заверения, что "все уладится". За два часа до назначенного в 7 часов вечера в театре Эстрады их первого концерта они улетели. В 7 часов вечера с этой информацией я подъехал к театру Эстрады.Толпы людей и машин,десятки глаз,рук и ртов, спрашивающих лишний билетик на дальних подступах к театру... Коля Громин, только что купивший у кого-то билет за баснословную сумму. На дверях театра маленькое, наспех написанное объявление, заслоненное толпой от большинства: "Сегодня 19 ноября концерт джазового трио О.Питерсона отменяется". Объявлению никто не верит - такого еще не было.

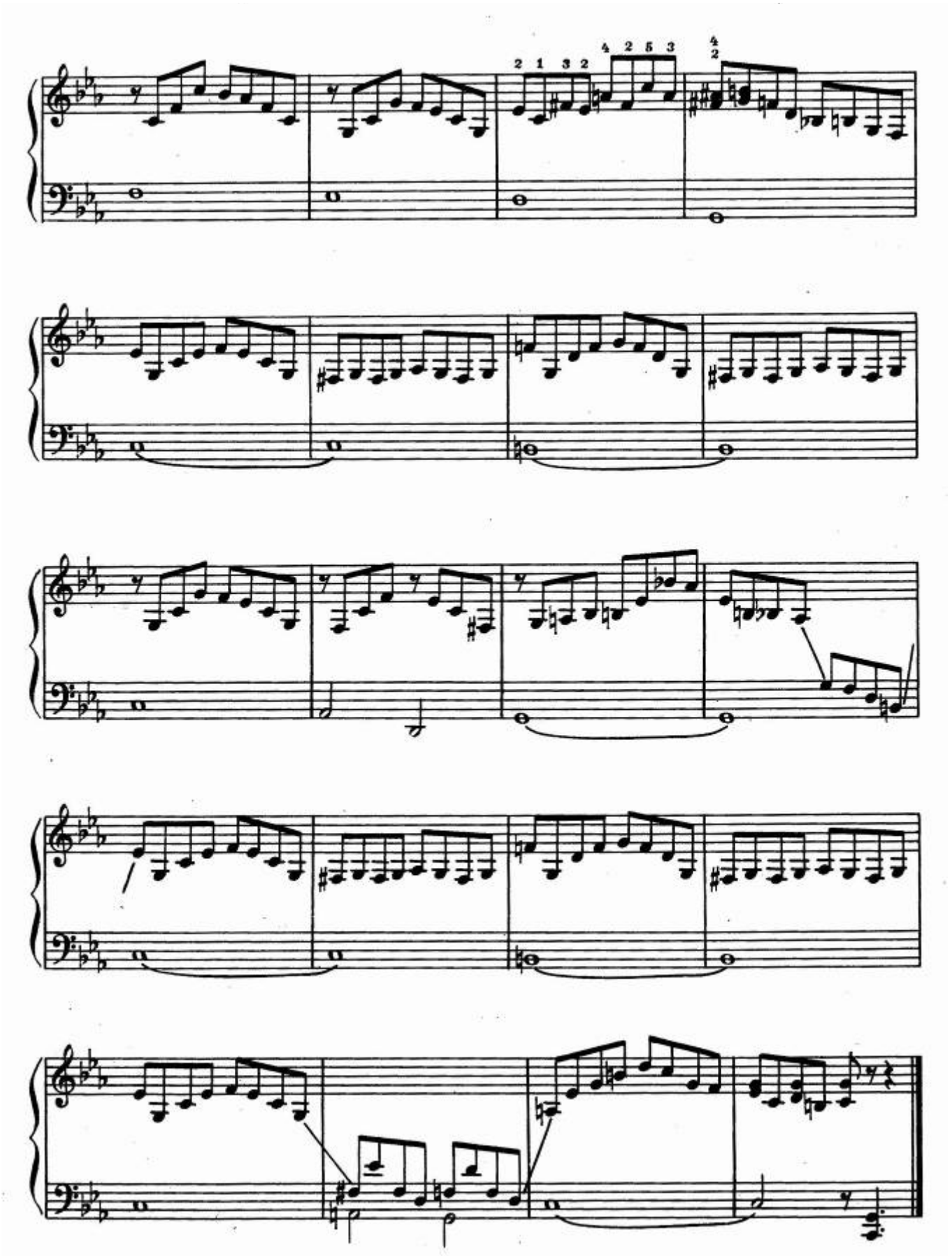
В толпе мелькают лица прилетевих из Ростова, Новосибирска, Ленинграда, Киева, Воронежа,Днепропетровска... Кто-то примчался с Камчатки - оттуда вчетверо ближе до Канады, чем до Москвы. Музыканты, любители, композиторы, народные артисты и безвестные джазмены... Каждое новое сведение об обстоятельствах, вызвавших неожиданный отъезд Питерсона, немедленно передается из уст в уста. Когда разговор доходит до гостиницы, стоящий со мной Вася Аксенов ахает: "Боже мой, там же больные в коридорах!..." А когда я сообщаю, что его не удовлетворил рояль, Игорь Якушенко всплескивает руками: "А ведь у нас в Доме композиторов для Питерсона приготовили роскошный "Стэнвэй" и целый день грузчики сидели и ждали, что рояль понадобится. Но никто за ним не приехал, никто не позвонил." Люди собравшиеся у театра Эстрады, которых только что лишили столь желанного наслаждения, уже заплатившие за него дорогую цену, эти люди, привыкшие ко всему и не удивляющиеся ничему, не казались ни подавленными, ни разбитыми отчаянием. Царила какая-то нервная эйфория, слышались шутки и смех. А когда накал всеобщего возбуждения достиг кульминации, под хохот и аплодисменты над рекой и Кремлем рассыпался огненными брызгами праздничный фейерверк. Москва отмечала салютом День Ракетных Войск - гордость Советского Союза.

А. Баташев
Ноябрь 1974

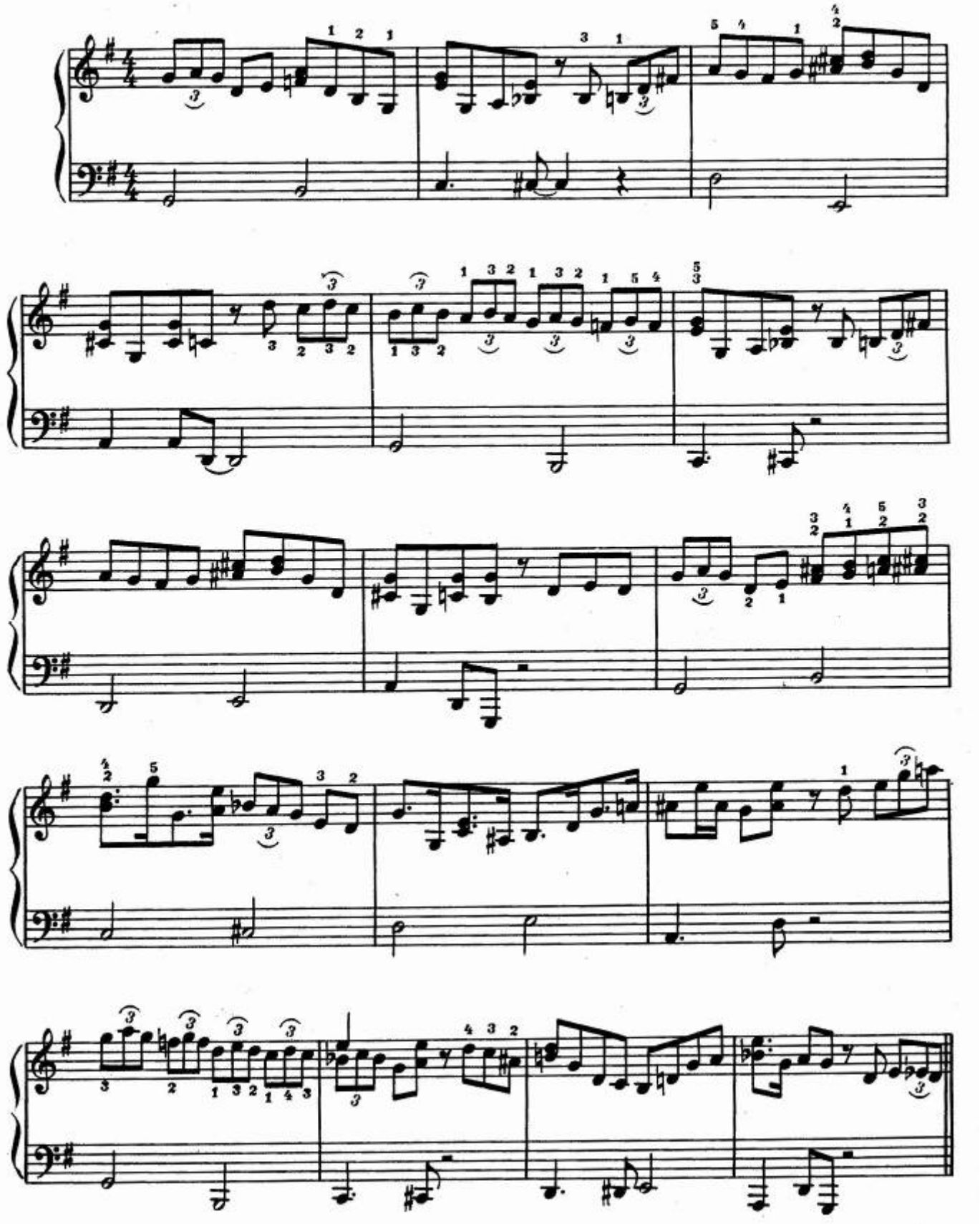
EXERCISES

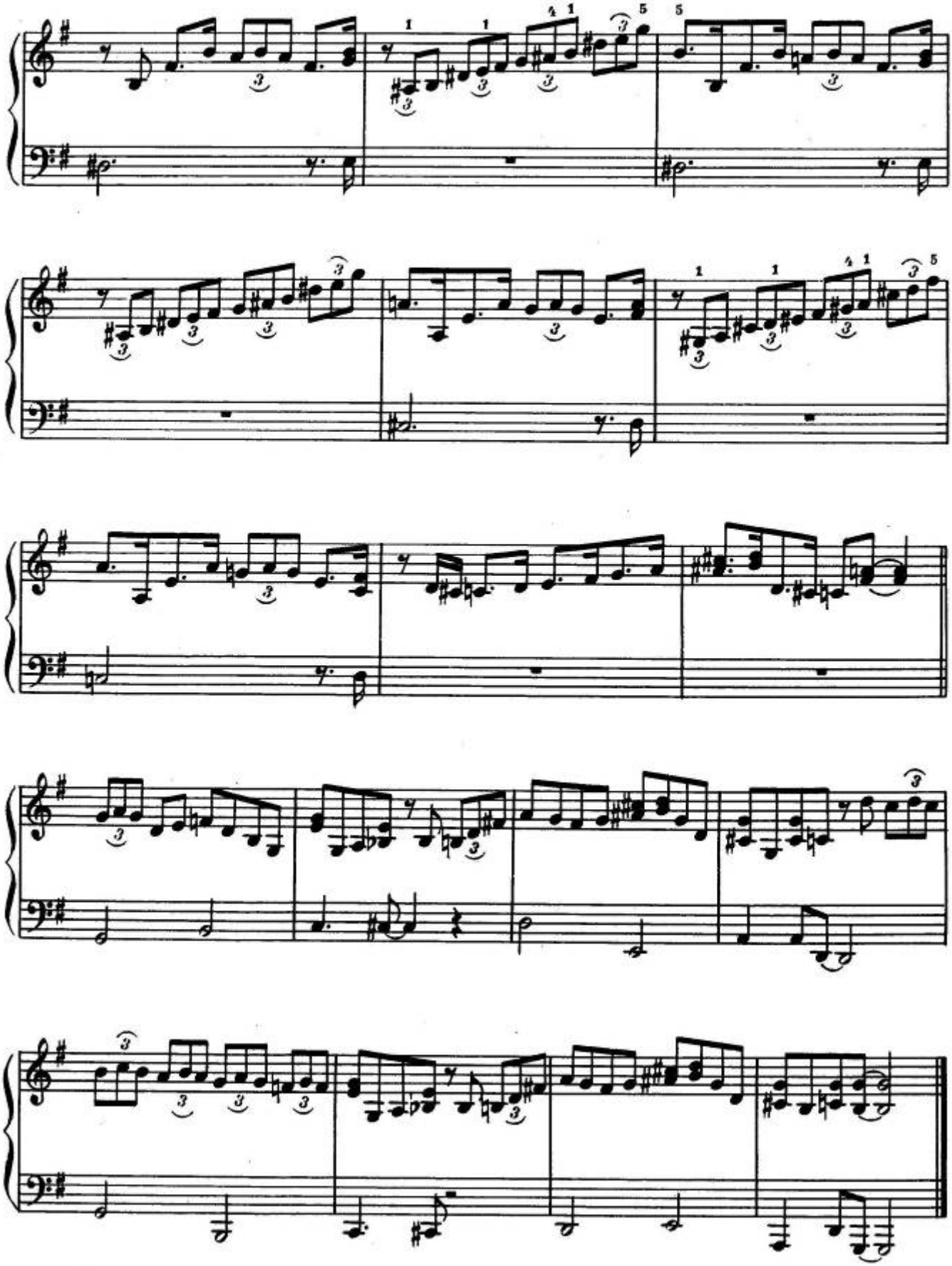
EXERCISE No. 1



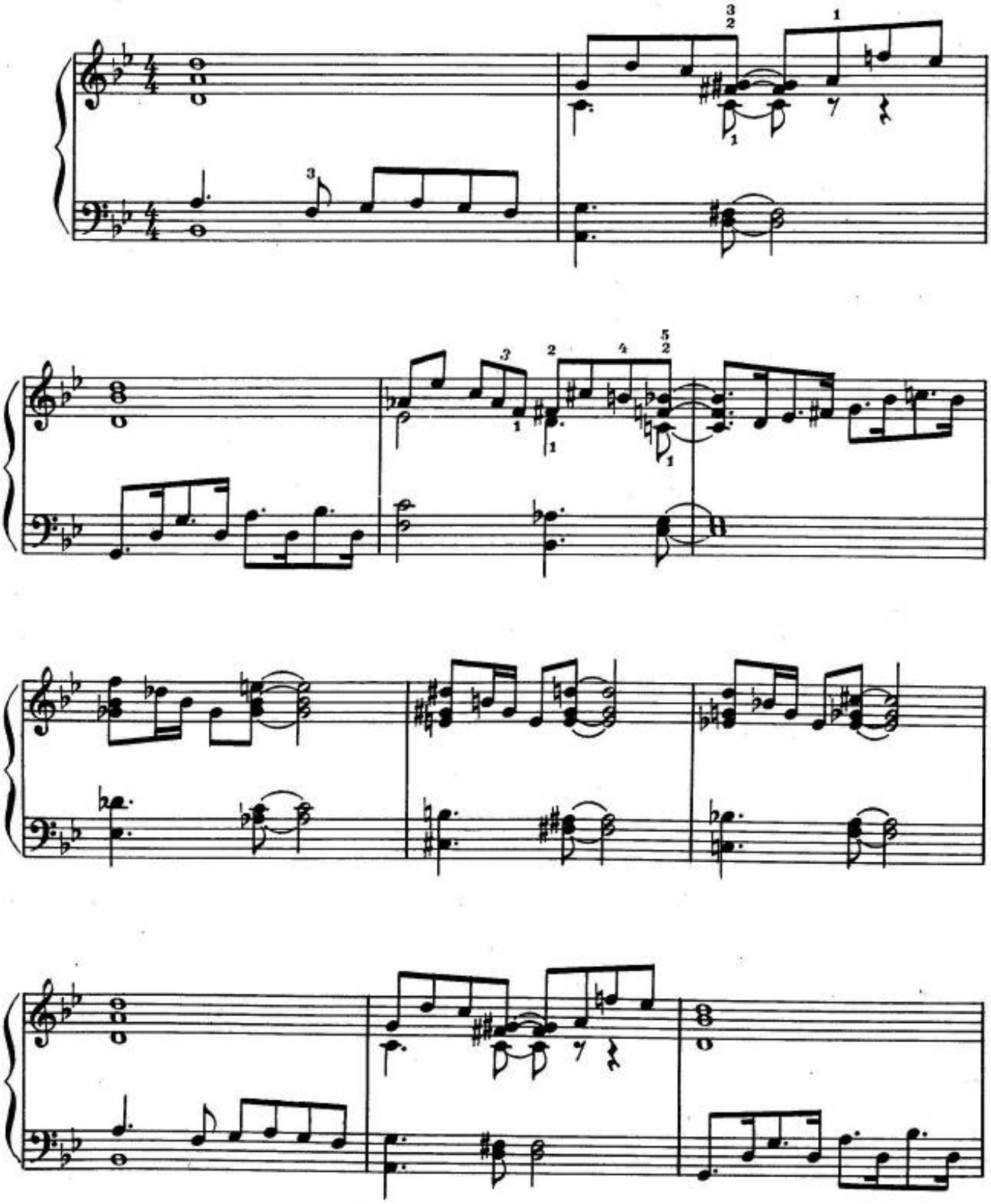


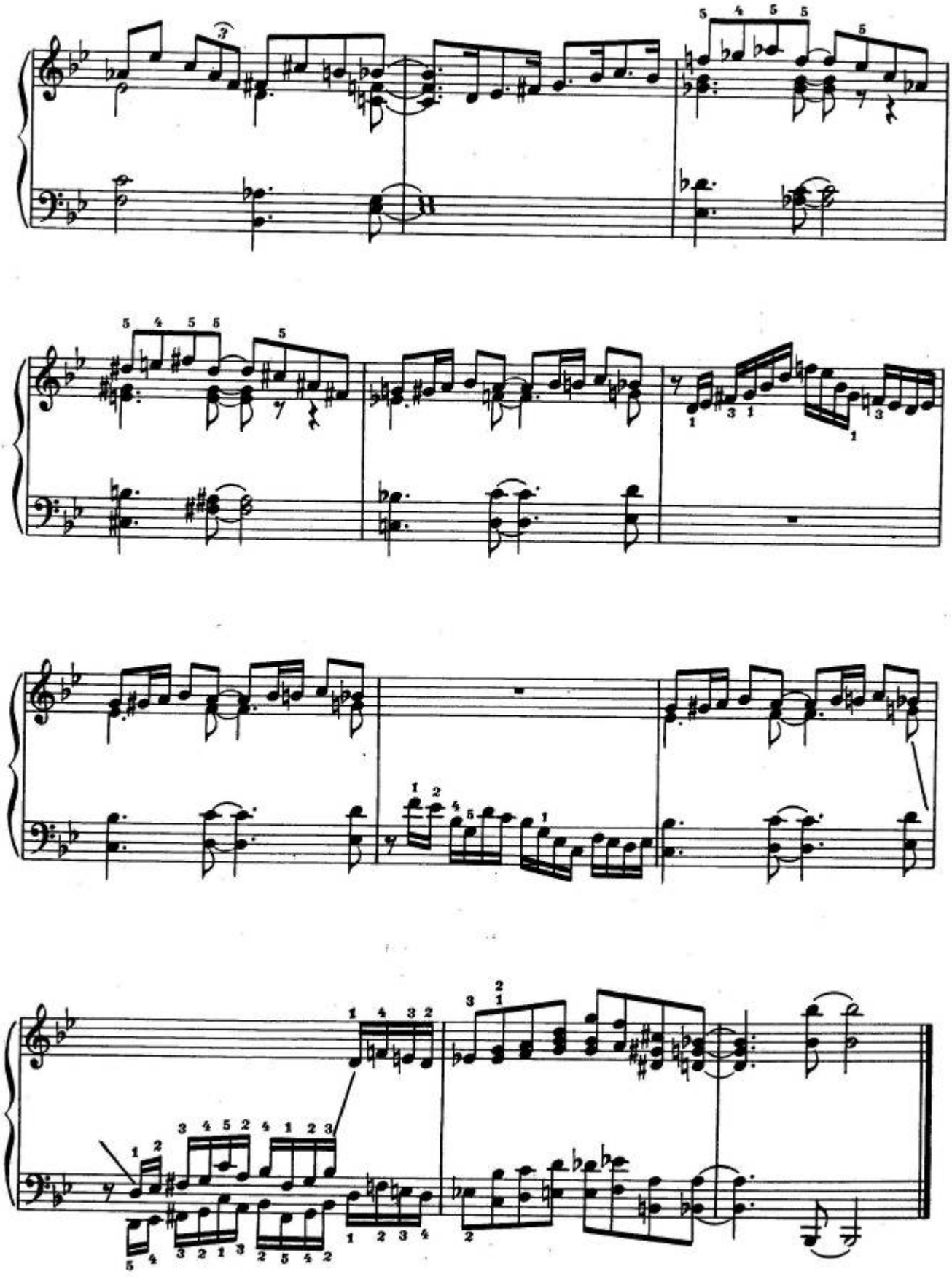
EXERCISE No. 2



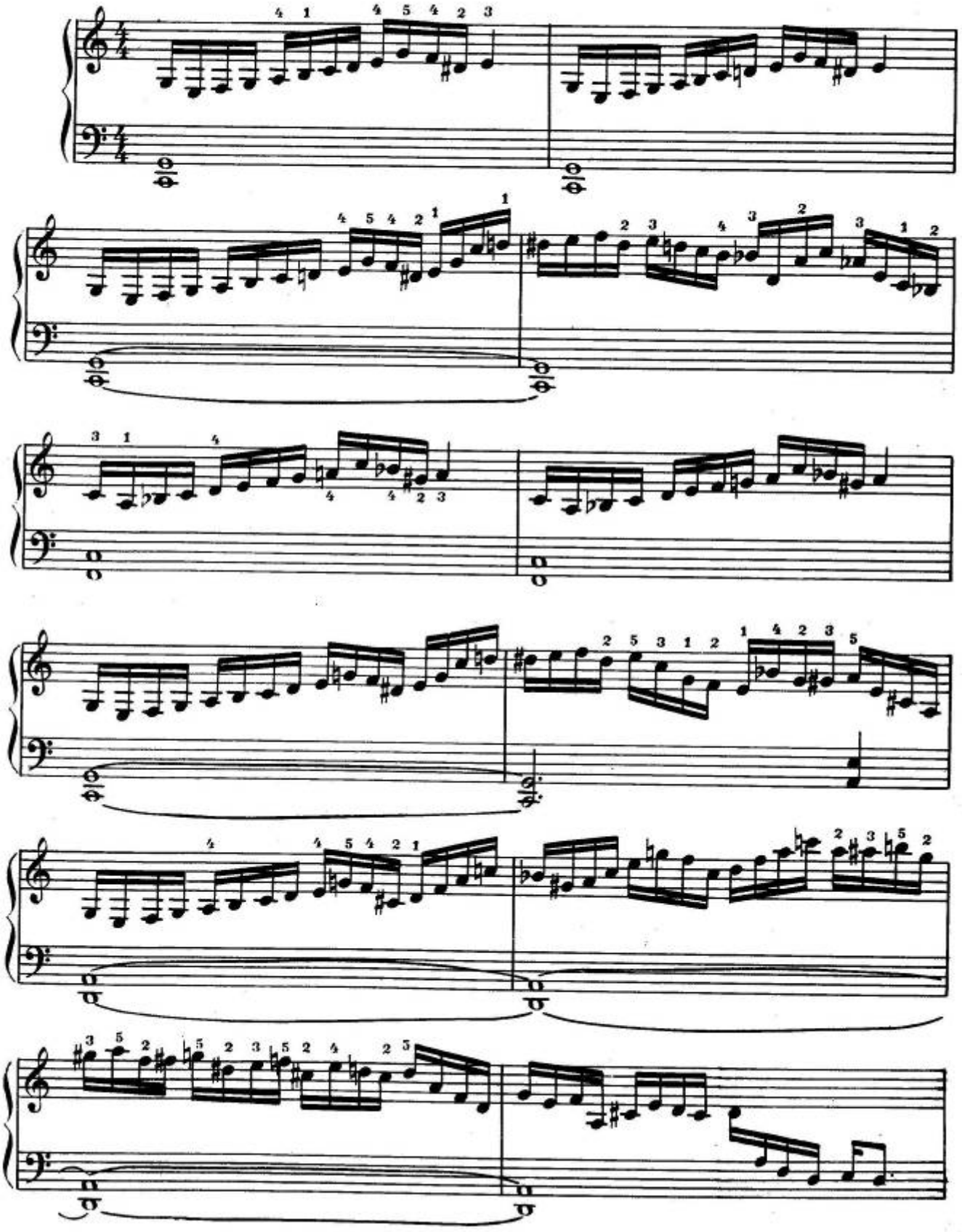


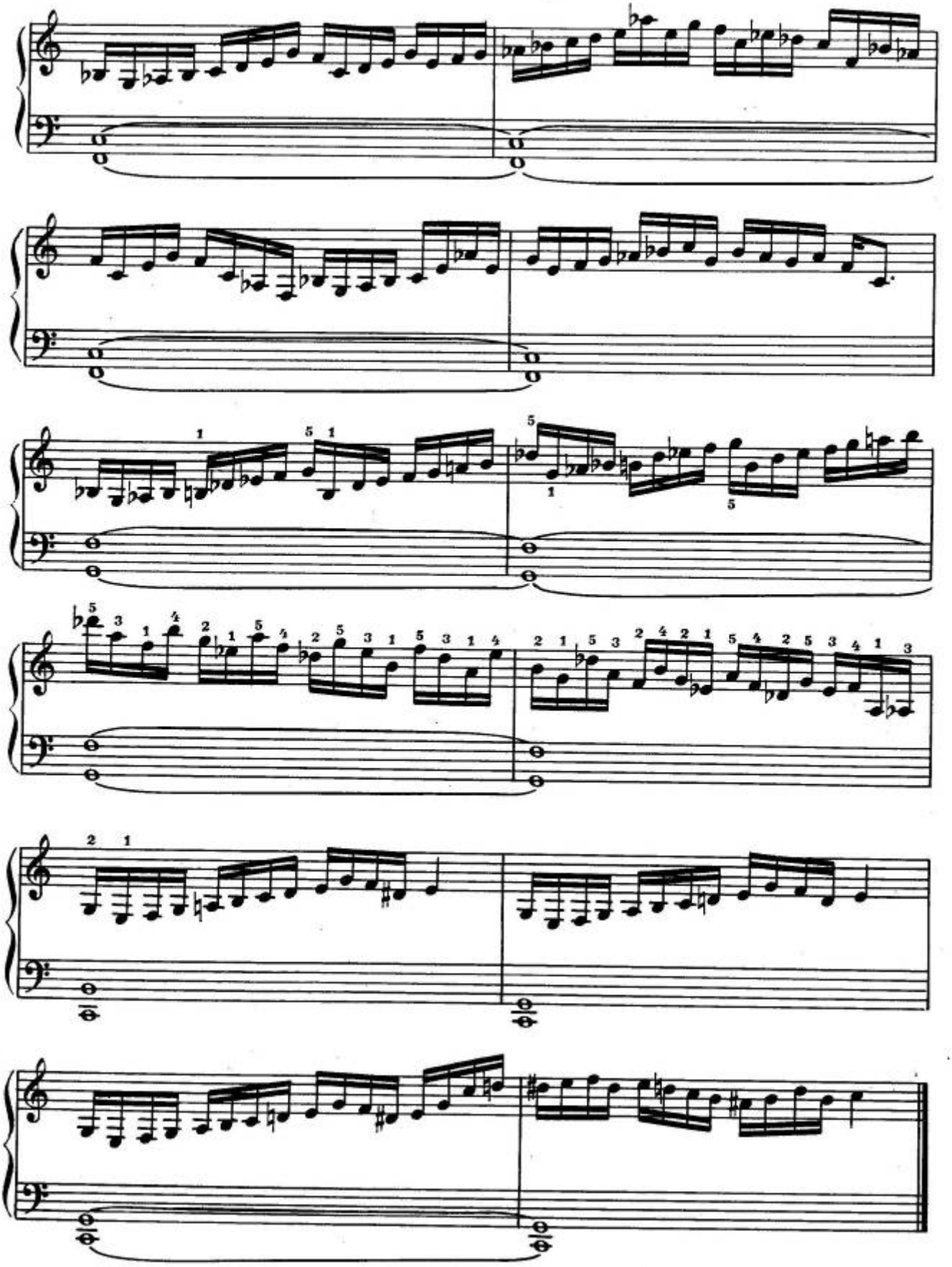
EXERCISE No. 3



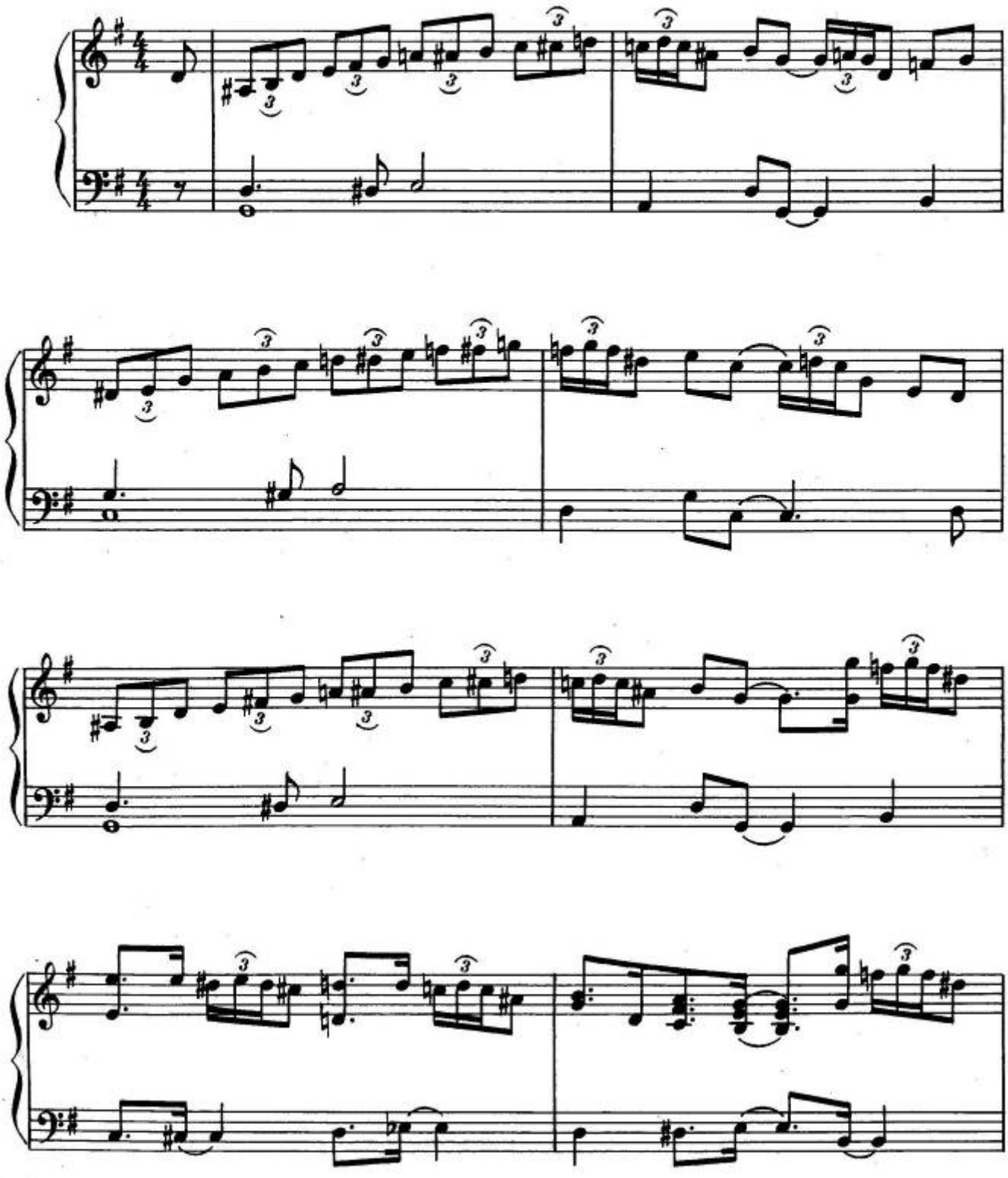


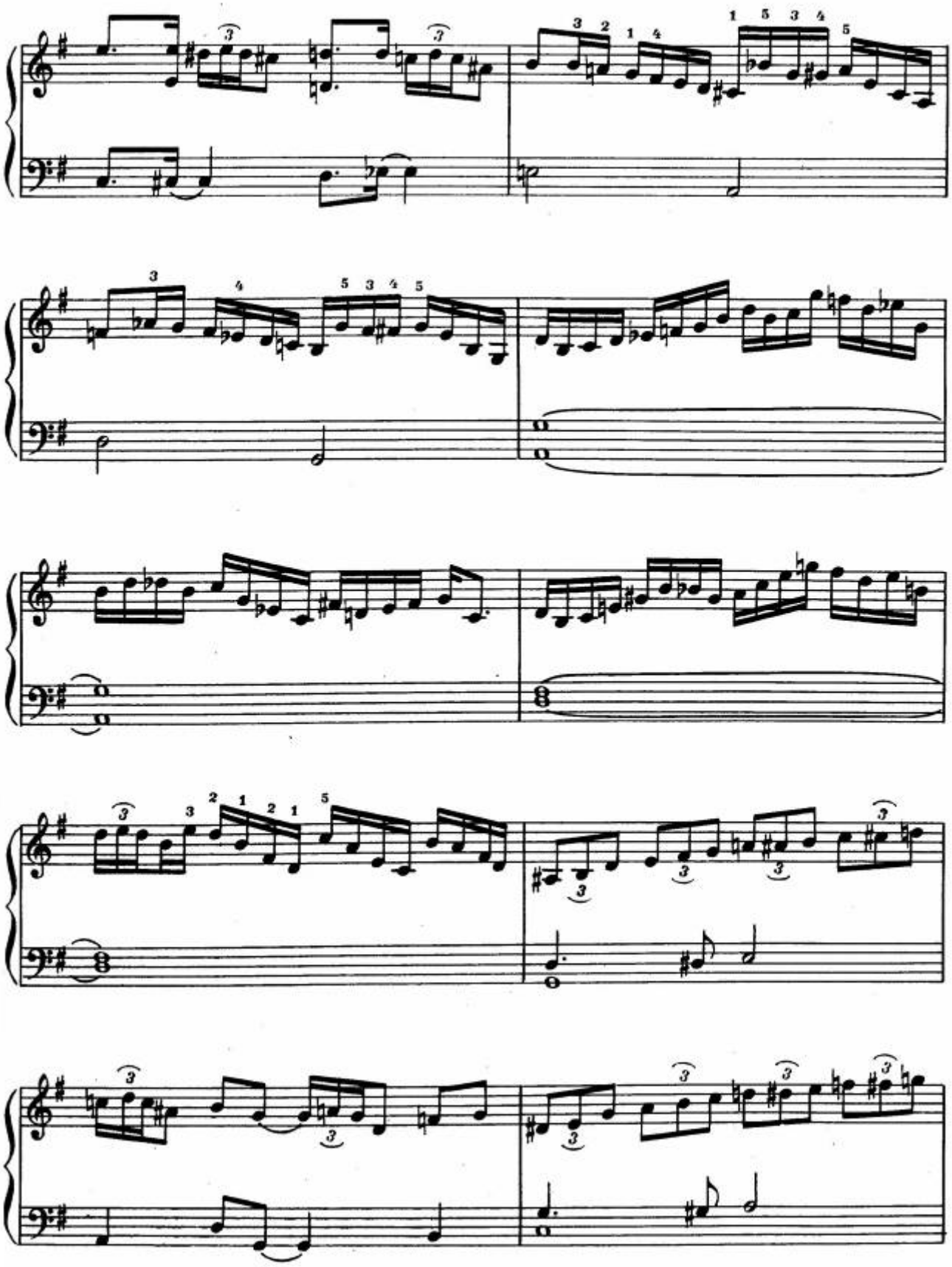
EXERCISE No. 4

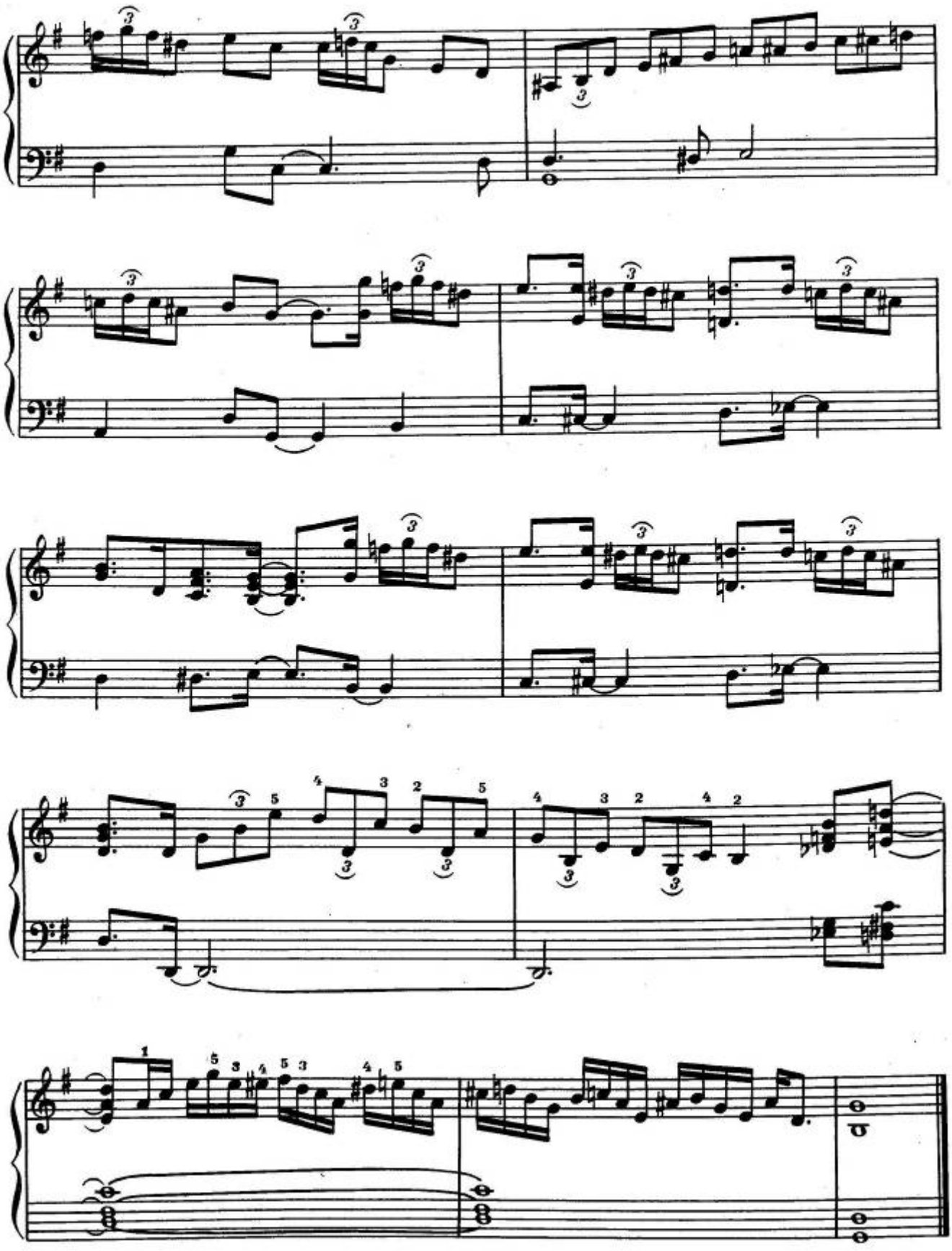




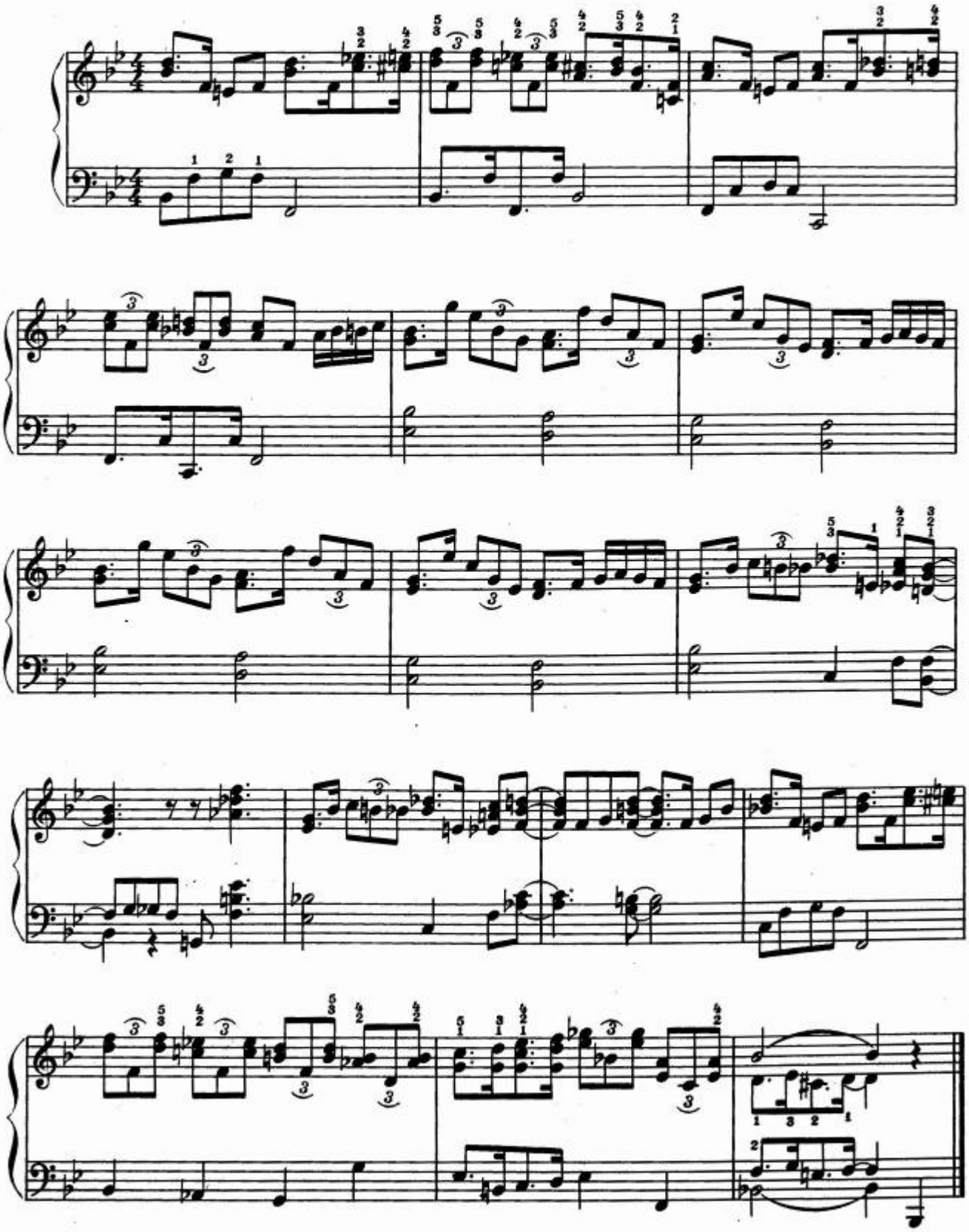
EXERCISE No. 5



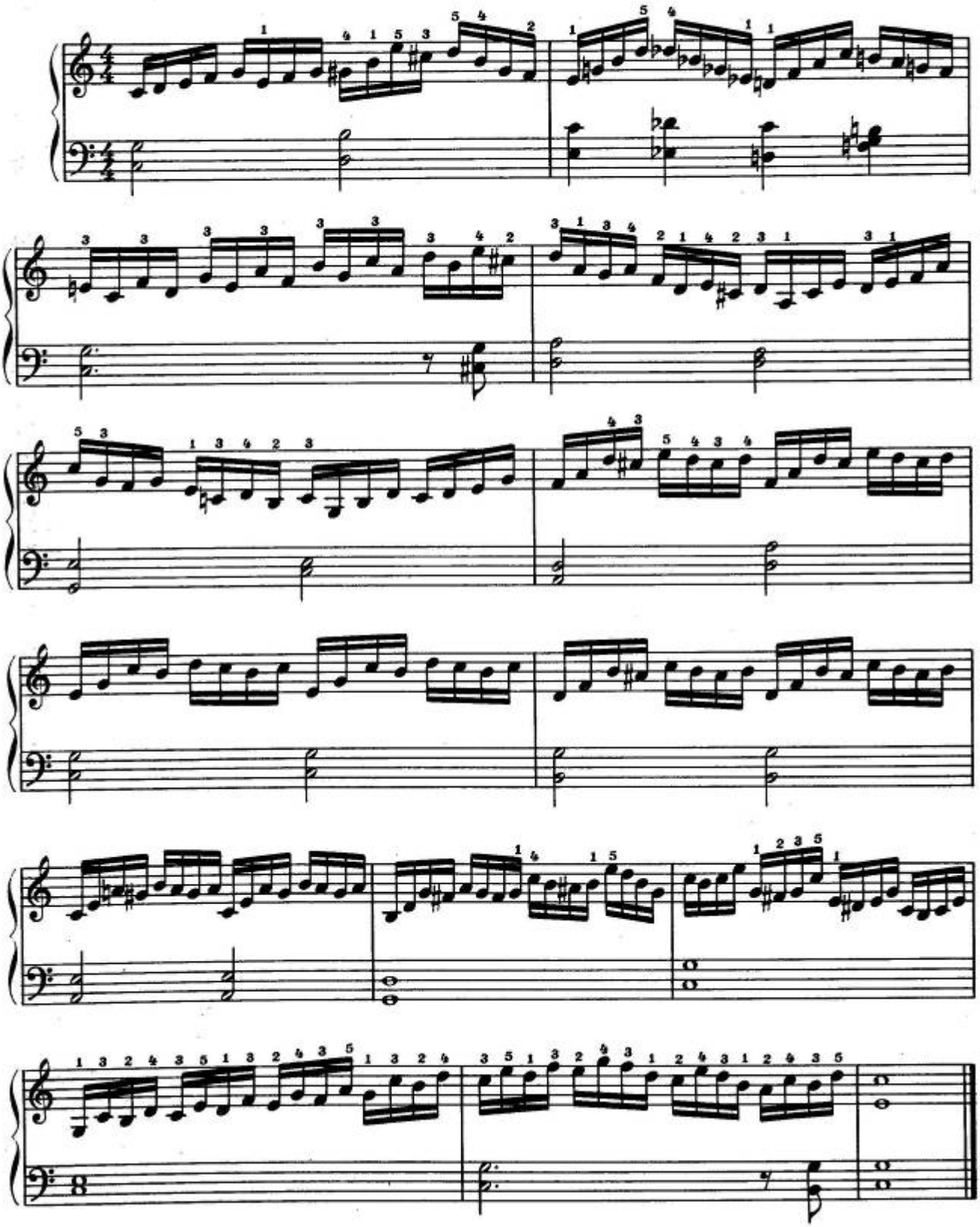




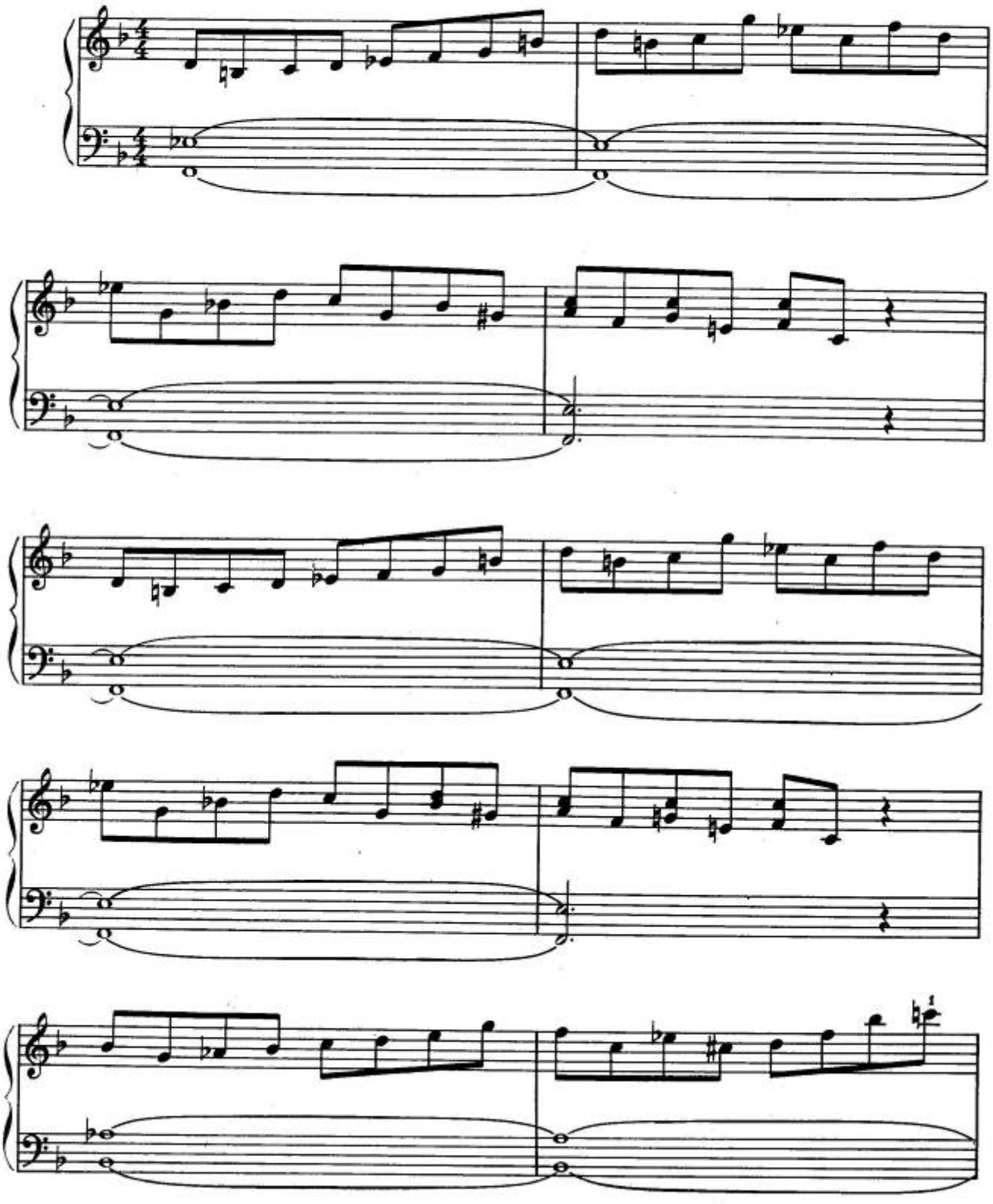
EXERCISE No. 6

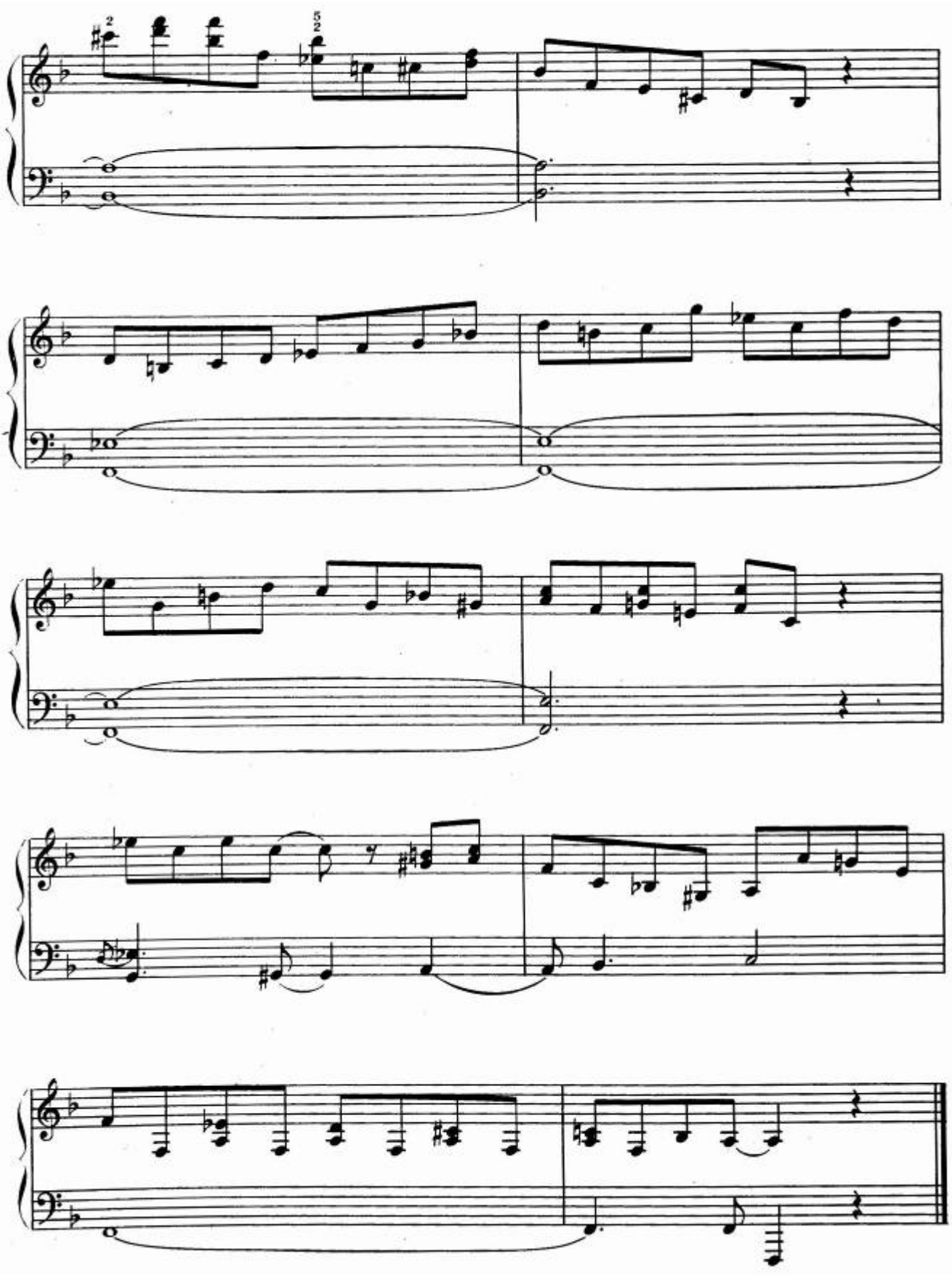


EXERCISE No. 7

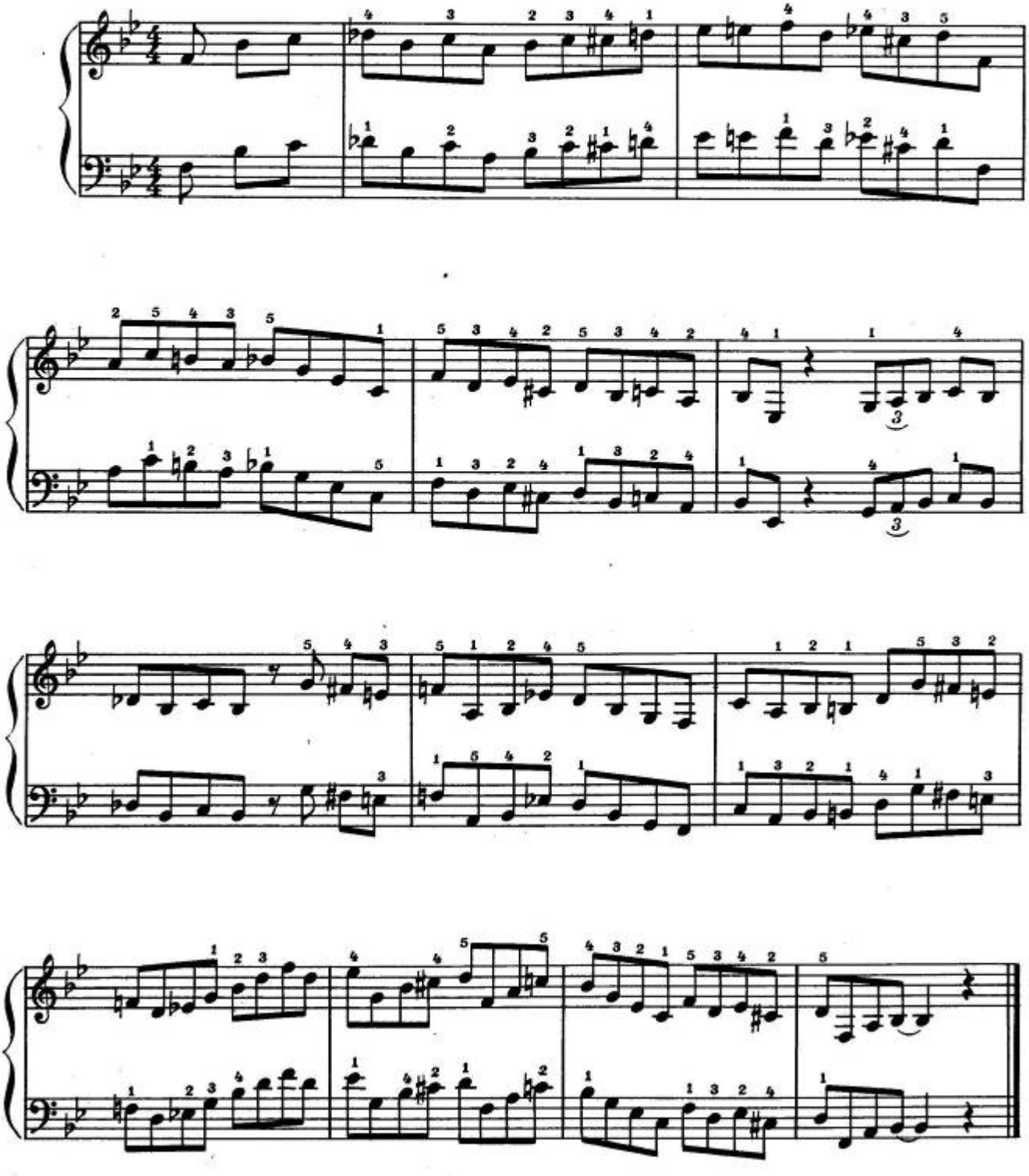


EXERCISE No. 8

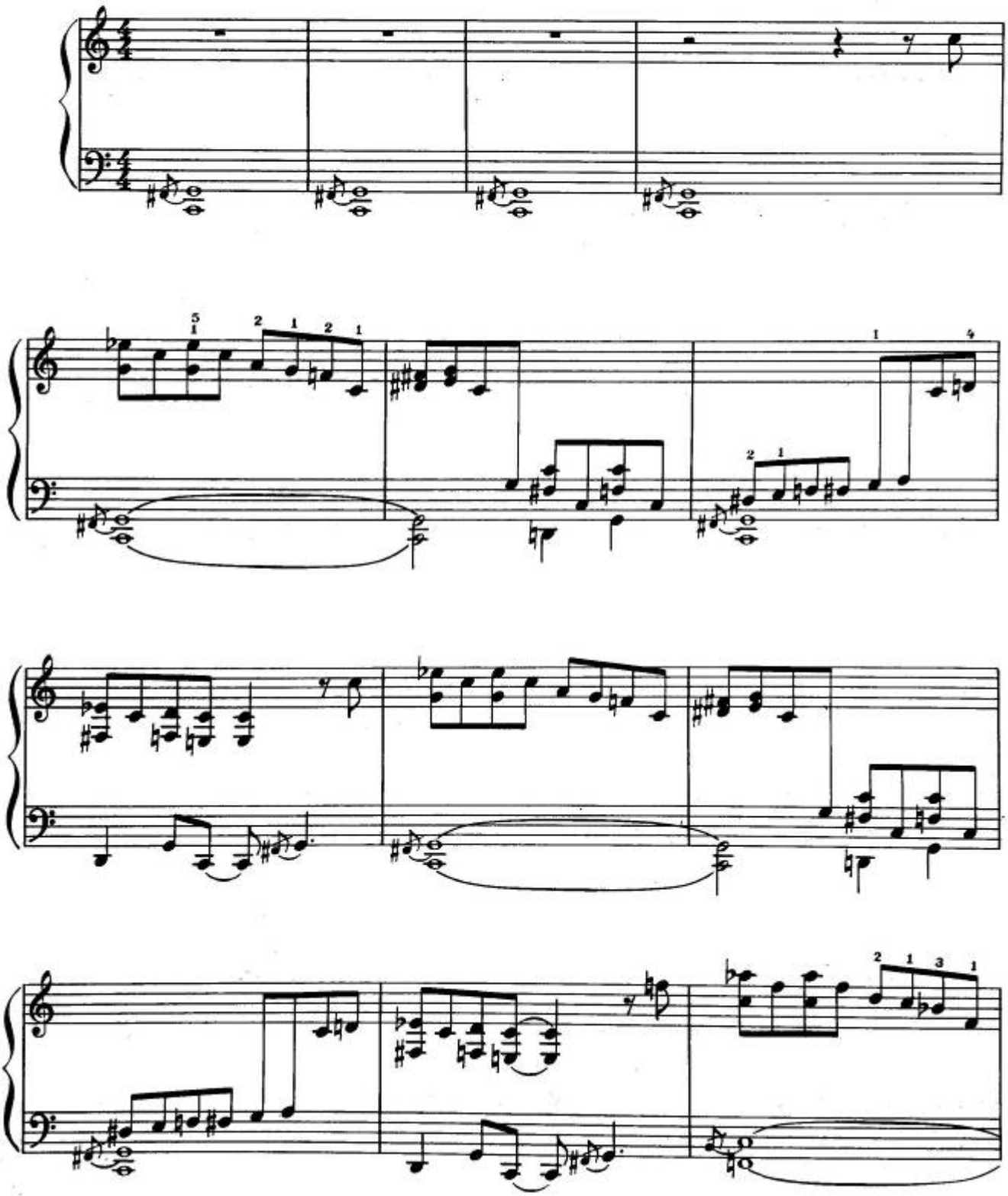


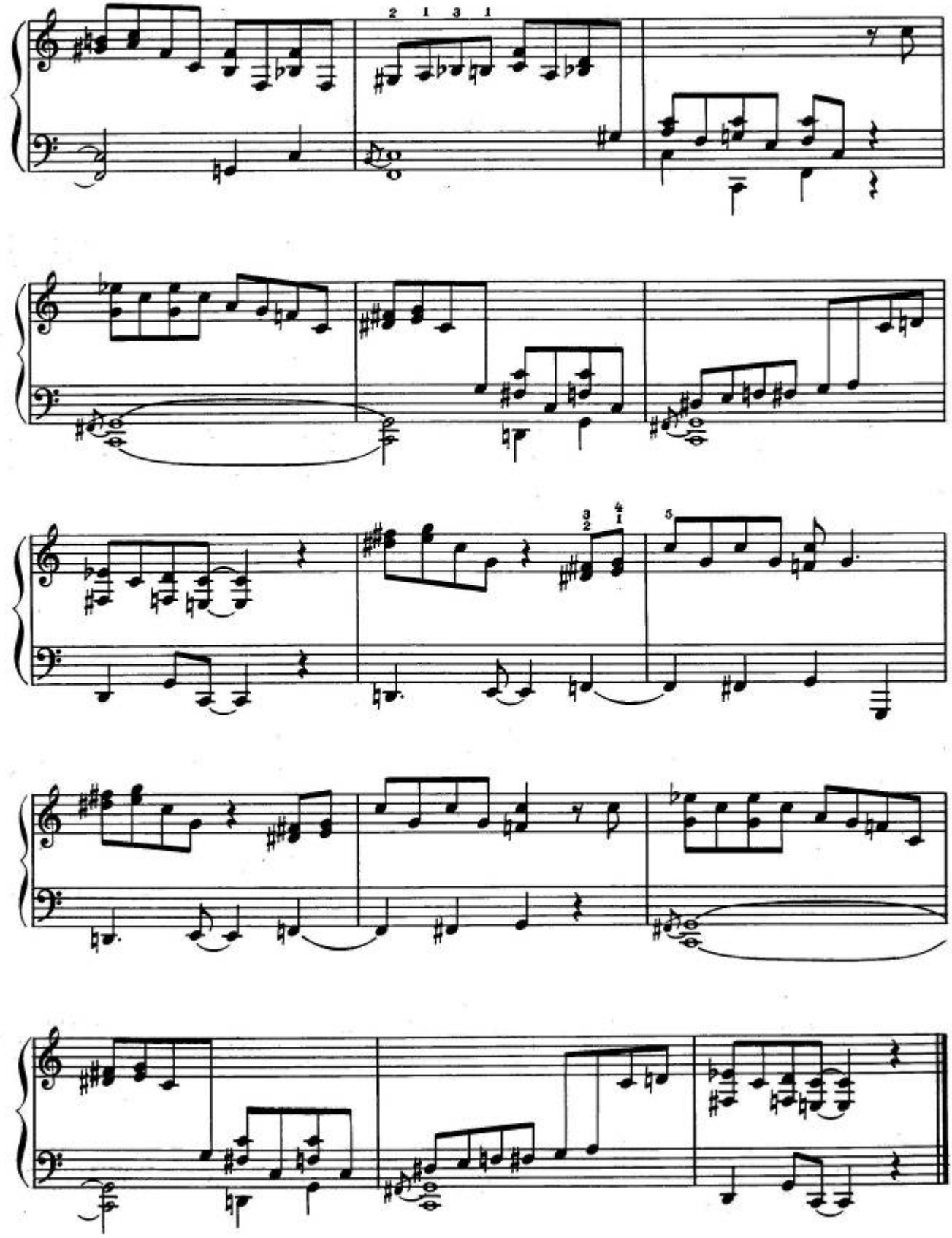


EXERCISE No. 9

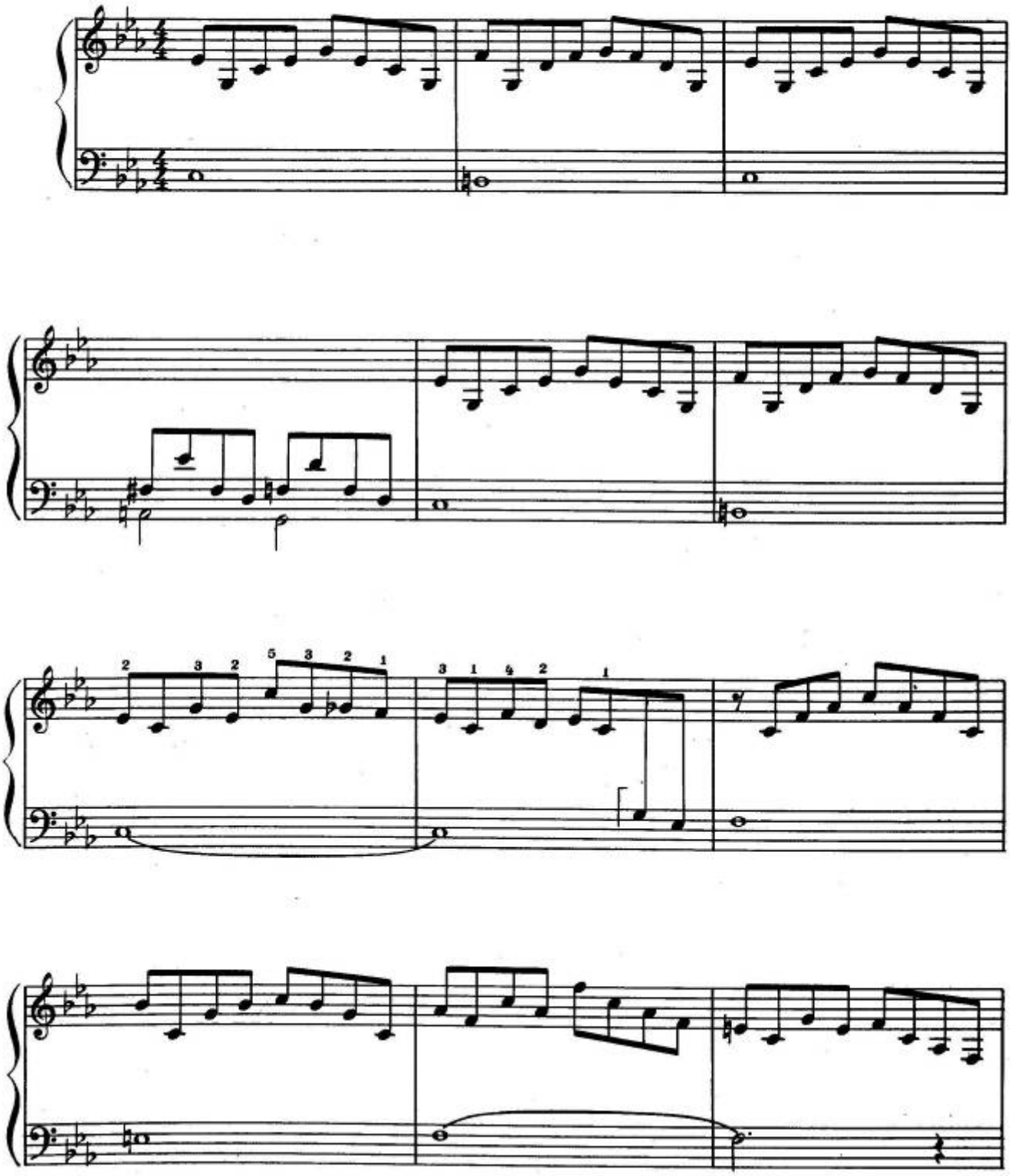


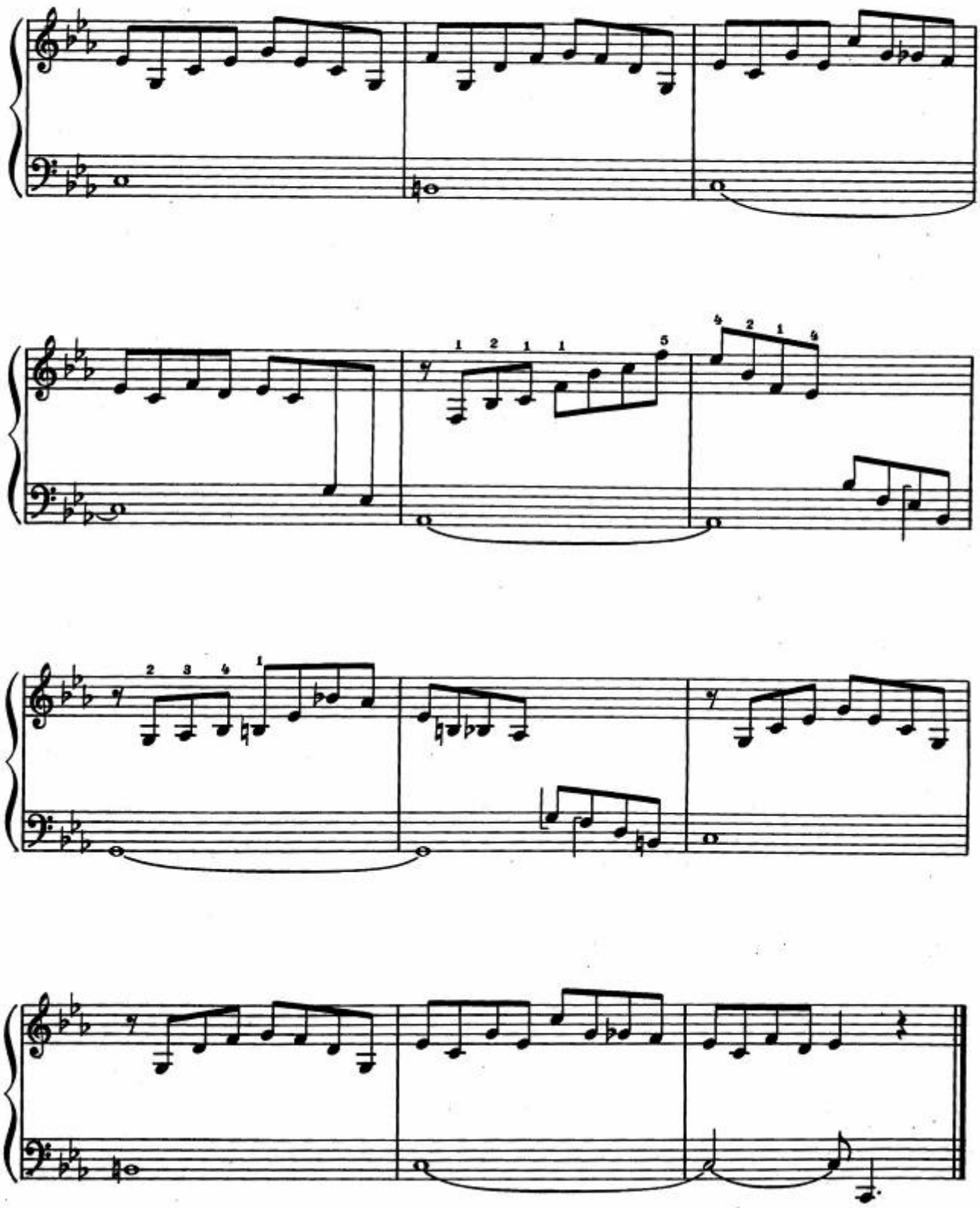
EXERCISE No. 10



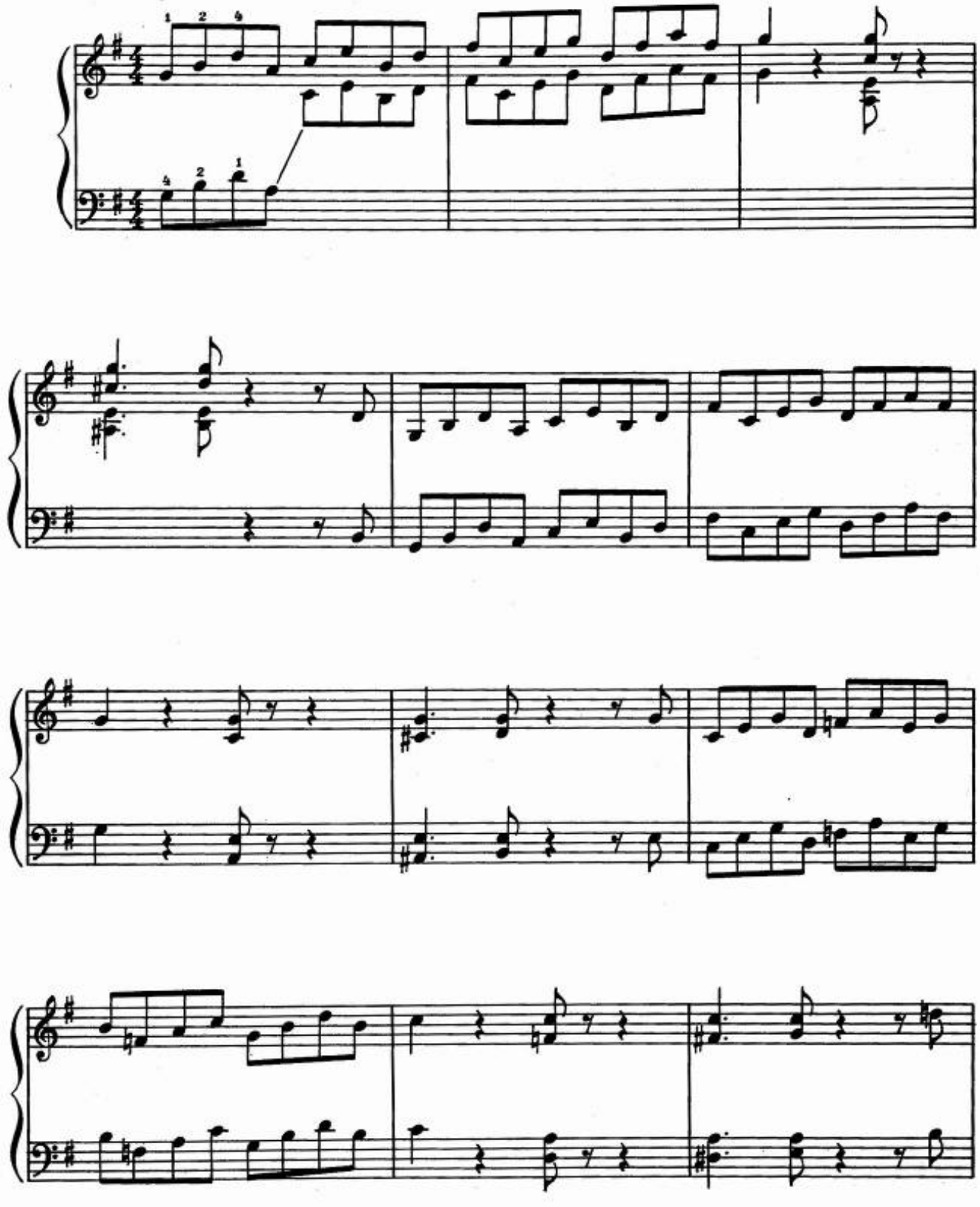


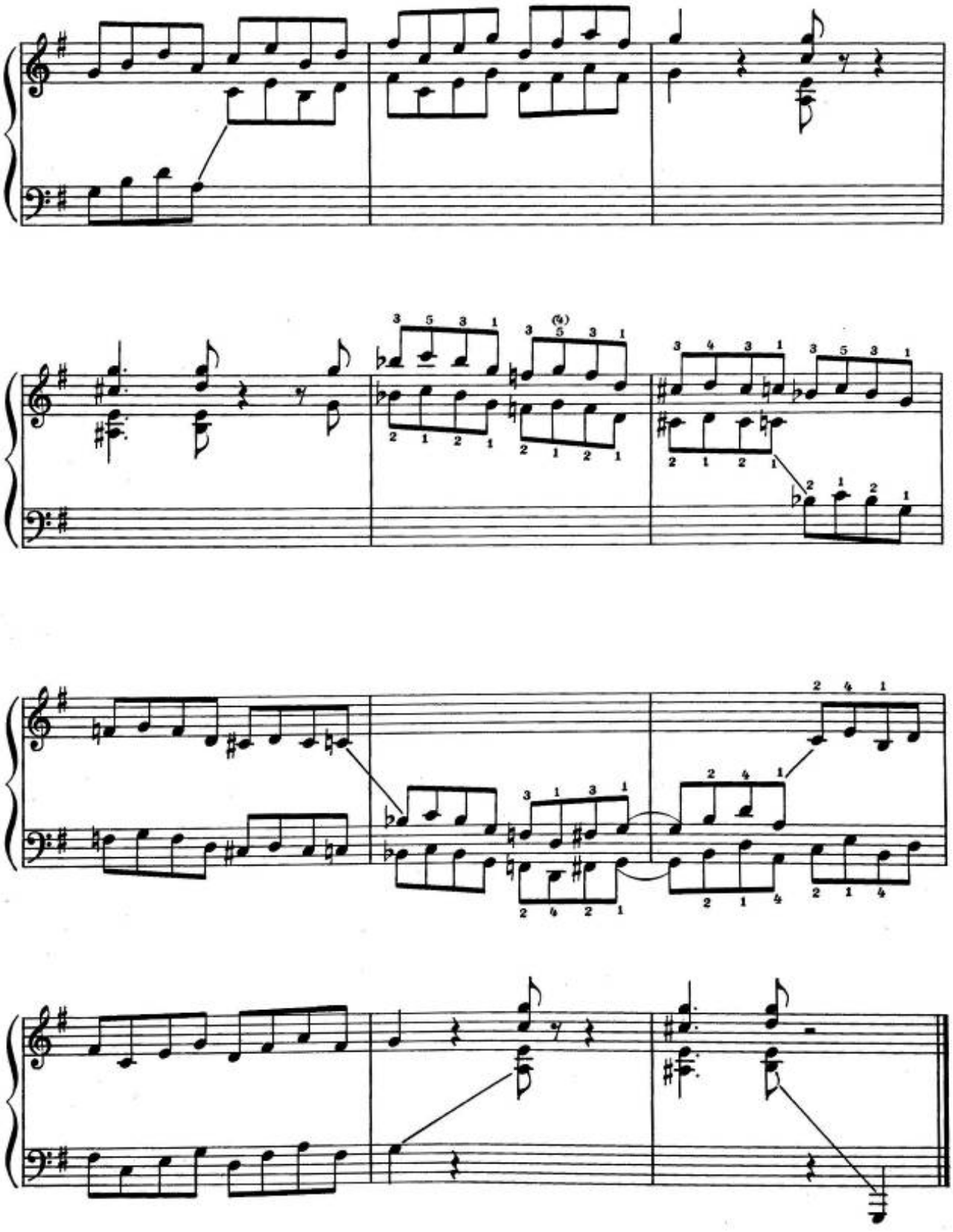
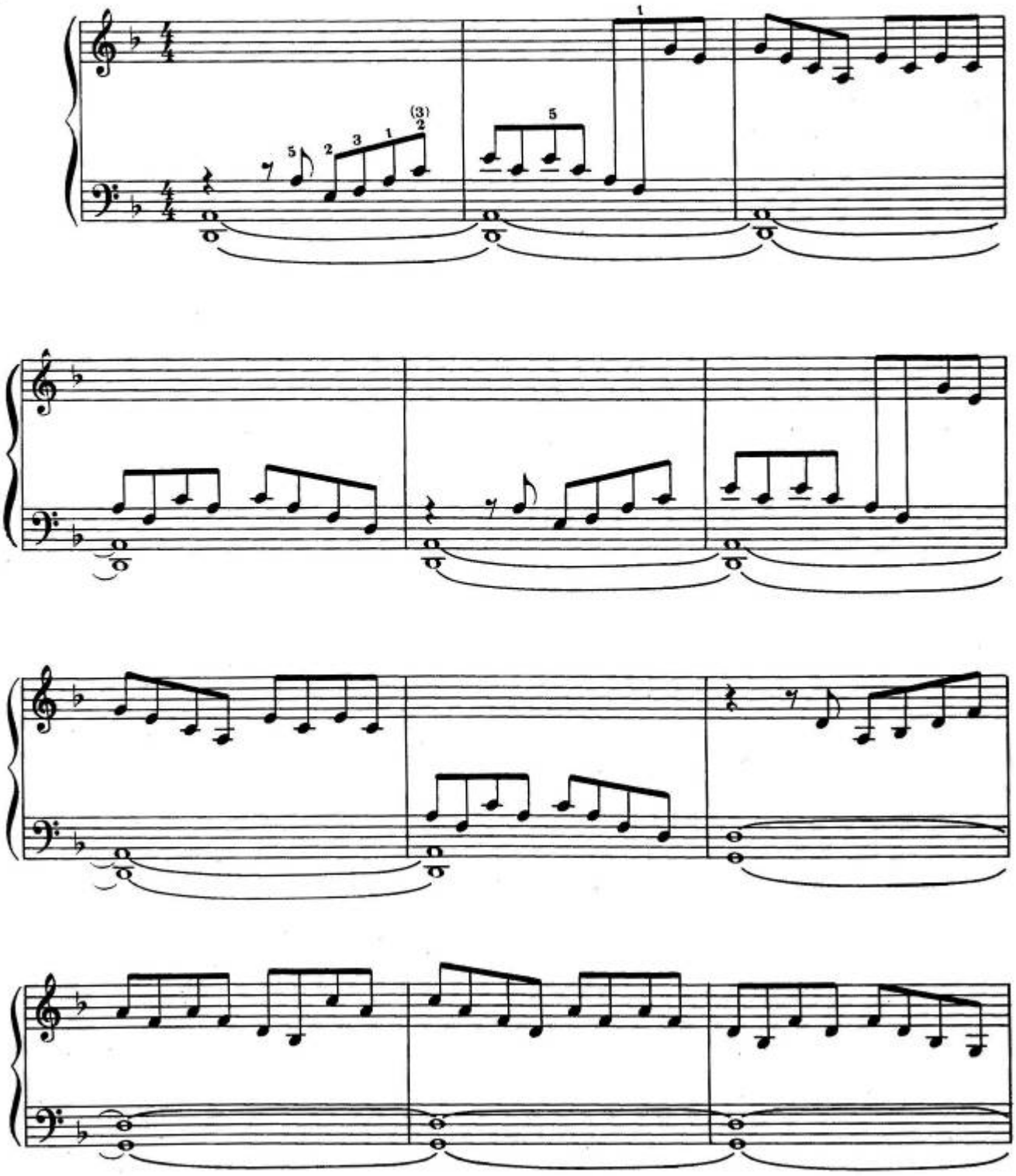
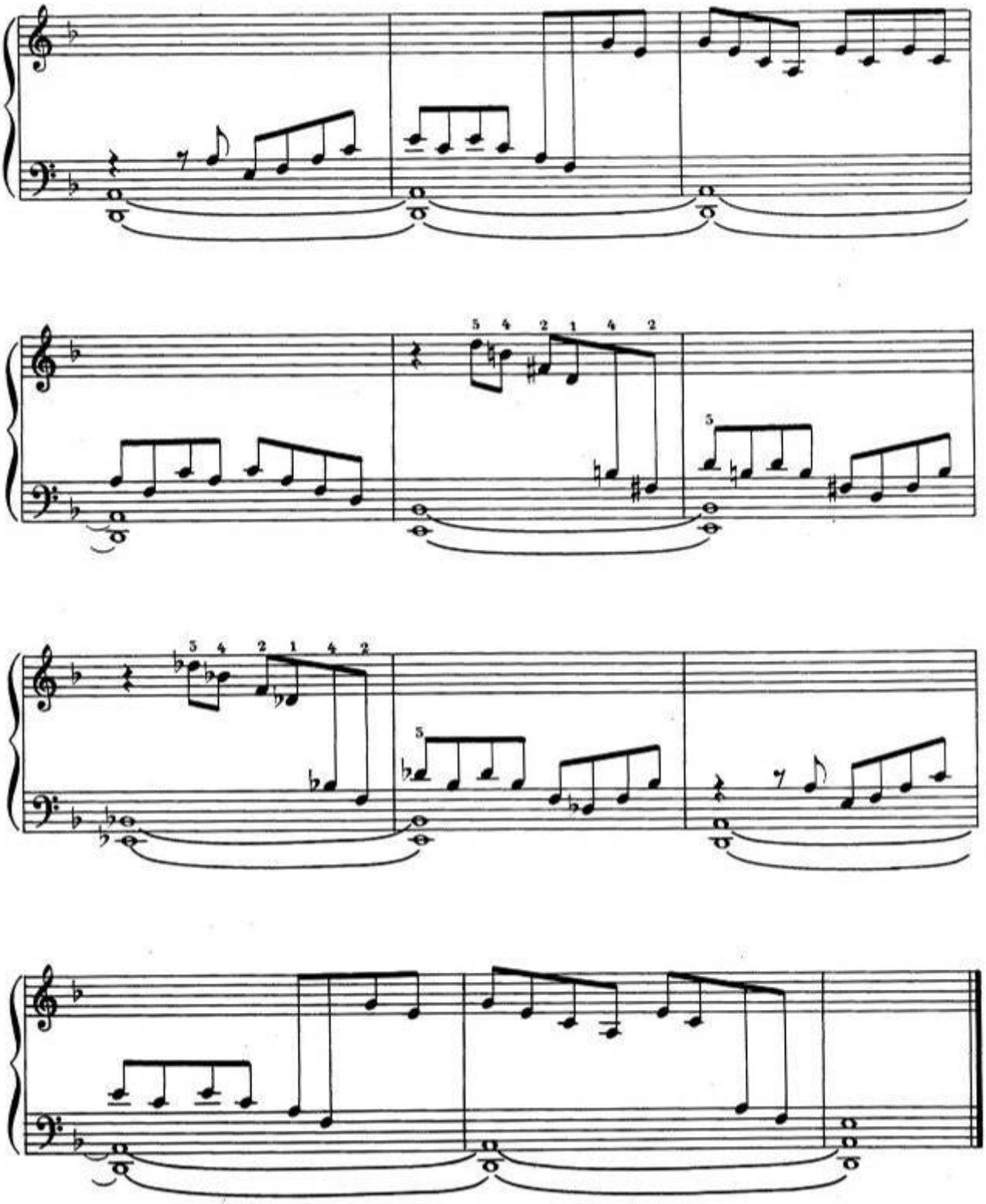
EXERCISE No. 11





EXERCISE No. 12





EXERCISE No. 13